



ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ В СТОЛИЦЕ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

- Когда мы были в Москве первый раз, мы ничего подобного не видели!
- А давно вы были в Москве?
- В прошлом году!

К Р О К О Д И Л

№ 31 МОСКВА 10 НОЯБРЯ 1951

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

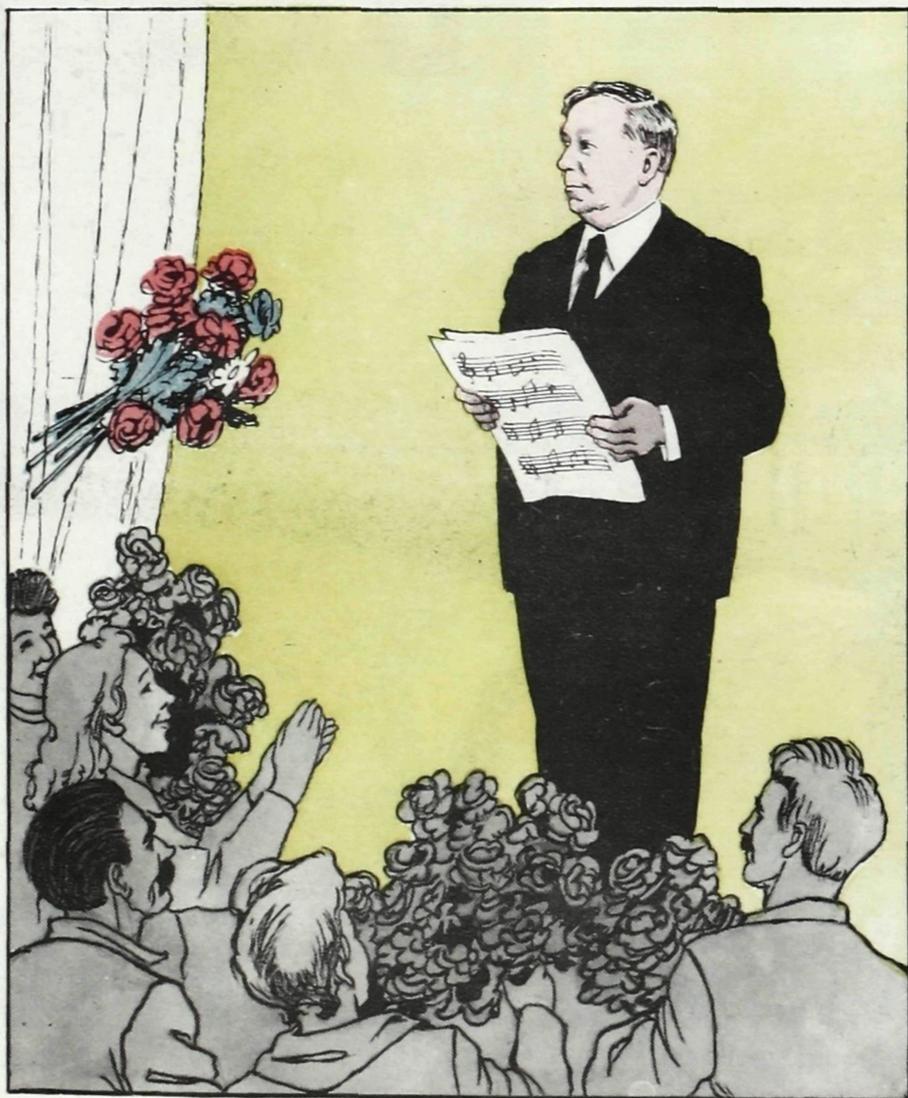
ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА (по теме болгарского журнала «Стършел»)



Райна Михайлова в Москве.



Максим Дормидонтович Михайлов в Софии.



Я НЕ Я, И ВИНА НЕ МОЯ

(КРАТКАЯ СТЕНОГРАММА НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ КРОКОДИЛА НА НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СОВЕЩАНИИ В КУЙБИШЕВСКОМ ОБЛАСТНОМ УПРАВЛЕНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ)

Крокодил. Товарищи, я очень рад, что присутствую на таком ответственном совещании, где обсуждается вопрос о продвижении сельскохозяйственных кинофильмов в колхозы. Важный, товарищи, вопрос, и поставлен он кстати. В связи с этим мне хочется отметить отдельных сидящих здесь товарищей, на долю которых выпала почётная обязанность с помощью кино распространять и пропагандировать лучшие методы колхозного труда. Я имею в виду начальника областного управления сельскохозяйственной пропаганды товарища Позднякова, всеми уважаемого начальника областного управления кинофикации товарища Кнохинова. Не могу обойти своим вниманием и директора областной конторы Главкинопроката товарища Блохина... (Товарищи Поздняков, Кнохинов и Блохин встают со своих мест и почтительно раскланиваются.)

Крокодил. Я не хочу быть голословным. Пусть за меня говорят цифры. На 430 сеансах в колхозах области демонстрировались сельскохозяйственные фильмы. И это только за первую половину года! Если немного заняться математикой и разделить это количество сеансов на общее число колхозов области, получится прямотаки разительный итог—0,4 сеанса на каждый колхоз.

Начальник областного управления сельскохозяйственной пропаганды тов. Поздняков (с пылом). Вы располагаете не совсем точными данными. На каждый колхоз приходится не 0,4, а 0,43 сеанса!

Крокодил. Благодарю за поправку. Теперь я хочу особо остановиться на кинообслуживании трёхлетних колхозных агро-зоотехнических курсов. Такие курсы работали и будут работать в каждом колхозе. Что же касается показа на этих курсах кинофильмов о работе передовиков колхозного производства...

Тов. Поздняков (без пыла). Да, с кинообслуживанием курсов дела обстоят немножечко похуже.

Крокодил. Я тоже так думаю. Например, в Кинельском районе на курсах фильмы совсем не демонстрировались, в Хворостянском районе тоже, в Борском такая же картина, в Сызранском...

Тов. Поздняков. Прошу пореже. Не успеваю записывать. И вообще при чём тут мы? У нас мало киноустановок.

Крокодил. Простите, вы располагаете не совсем точными данными. Только в сёлах Сызранского района двадцать стационарных установок да три кинопередвижки.

Тов. Поздняков. Благодарю за поправку. Кроме того я должен публично заявить, что областное управление кинофикации из рук вон плохо работает.

Тов. Кнохинов. Неправильно! Как начальник областного управления кинофикации, я решительно снимаю с себя всякую вину. Тут вся причина в Главкинопрокате. Он мало даёт нам сельскохозяйственных фильмов.

Директор конторы Главкинопроката тов. Блохин. Батюшки-светы! Опять на кинопрокат все шишки валят. Да у меня от сельскохозяйственных фильмов полки трещат! Берите, пожалуйста, любую картину и крутите на доброе здоровье. А виноватым себя я никак не признаю.

Крокодил. Всё ясно, товарищи! В ходе совещания выяснилось, что зрители у нас есть, аппаратура и кинокартины тоже. Остаётся только неясным: по чьей же вине колхозники лишены возможности смотреть сельскохозяйственные фильмы? Я прошу уважаемое совещание найти этих виновников. Пусть они ответят за свои дела перед общественностью.

(Товарищи Поздняков, Кнохинов и Блохин о чём-то долго шепчутся, пожимают плечами и отрицательно мотают головами. Потом все вместе предлагают прервать совещание для поисков и установления виновников плохого обслуживания сельского населения специальными кинофильмами.)



— Как приукрасилась наша дорога к юбилею!

ЗОНА БЕЗРАЗЛИЧИЯ

МАЙ 1951 года. Весело было на душе у машиниста электростанции Анатолия Михайловича Березина. Анатолий Михайлович шёл из заводского комитета. В кармане у него лежала путёвка в Хосту. Он шёл и думал о том, что на юге сейчас совсем неплохо: в такое время года приятно подставить грудь под набежавшую лазурную волну или пить чай под кипарисами.

Анатолий Михайлович долго откладывал свой отдых. На то у старого балахнинского машиниста были свои веские основания. Он давно задумал, так сказать, расширить зону обслуживания. На электростанциях до сих пор один машинист обслуживает один генератор. Березин решил перейти на одновременное обслуживание двух турбогенераторов. Чтобы осуществить свой замысел, Анатолий Михайлович разработал и внедрил много новых технических приспособлений. На это и ушло время.

Итак, Анатолий Михайлович в чудесном расположении духа занялся сборами. Жена возилась у раскрытого чемодана, дочь решила сложный вопрос, сколько платьев брать в Москву. Ещё зимой она договорила с отцом, что они вместе осмотрят столицу.

Не успел Анатолий Михайлович показать родным полученную путёвку, как в дверь постучали.

— Председателю ЦК профсоюза электростанций товарищу Подушкину писали? — спросил нарочный из завкома.

— Был такой грех.

— Тогда распишитесь в получении ответа.

Ответ был короток и ясен: двадцать четвёртого мая в ЦК союза будет заслушан доклад машиниста Березина о методах его работы. О дне вызова в Москву сообщат дополнительно.

— А как же с курортом? Ты в это время будешь в Хосте? — огорчилась жена.

— Хоста подождёт. И Чёрное море от нас не уйдёт, — улыбнулся Анатолий Михайлович. — А дело ждать не может. Тем более вопрос государственной важности.

И машинист Березин, не раздумывая, отнёс путёвку в завком.

— А не лучше ли тебе, Анатолий Михайлович, сперва отдохнуть, а потом доклад сделать? Право, лучше.

Завкомовцы тут же телеграфировали в ЦК союза: нельзя ли отложить доклад?

Но из Москвы снова прибыл категорический ответ.

— Доклад Березина назначен на двадцать четвёртого мая!

— Видите, — сказал Березин, — какая чёткость! Ни днём позже, ни днём раньше. Стало быть, моим опытом весьма заинтересовались и, видно, быстро собираются его распространить.

Старый машинист и два выделенные ему в помощь инженера засели за чертежи и расчёты. И вот доклад готов. В Балахне стали ждать вызова из ЦК союза. Подошло обещанное двадцать четвёртое

мая. Товарищ Подушкин молчал. Минул май. Председатель ЦК союза не проронил ни звука. Прошумел дождями июнь. Прошёл знойный июль. Наступил август. Всё то же величественное молчание. Старый машинист был обижен: он трудился, корпел над докладом, пожертвовал лазурной волной и кипарисами — и вот тебе благодарность! После долгих раздумий Анатолий Михайлович поехал отдыхать под город Горький, втайне надеясь, что его ещё вызовут и он сумеет немедленно предстать перед тов. Подушкиным.

Но никто его не вызвал. Кончился отпуск. Наступила осень. Шуршат по крышам холодные дожди. Товарищ Березин с грустью вспоминает о весне. Он раскрывает папку с любовно перепечатанным докладом, где говорится о больших выгодах от расширения «зоны обслуживания». Анатолий Михайлович вздыхает. Только теперь он начинает понимать, что со своей «зоной обслуживания» попал в «зону безразличия», хотя и не потерял надежды, что тов. Подушкин в конце концов ему ответит. Правда, на этот счёт в Балахне многие высказывают серьёзные сомнения. Говорят, что председатель ЦК профсоюза очень занят: он будто пишет директиву, в которой страстно изобличает людей, мешающих быстрому распространению передового, стахановского опыта.

А. ЕРОХИН

г. Горький.



— Мне этот судья не нравится! Очень мелочной человек! Каждую копейку считает! Осудил за растрату двадцати тысяч!



— Наоборот, он чересчур щедрый! За плохое качество продукции полностью по статье мне выдал!

Вокруг портрета судьи...



Примечание Крокодила. Однако всем остальным гражданам, кроме этих, он настелько нравится, что они готовы его переизбрать.



— Он ничего не желает слушать! Сколько я на соседей ни наговаривала, он всё же осудил меня за склоку!



— А меня, наоборот, внимательно выслушал и такое решение вынес, что никакие кассации не помогли!



— Он не любит детей! Придирается к ним! Заставил меня помогать родителям!



— Наоборот, придирается к родителям! Заставил меня содержать моих детей!

СКАМЬЯ ПОДСУДИМЫХ



— Лучше с ним не встречаться! Осудил за хулиганство!

— И я не хотел с ним встречаться, да привели к нему!

О ТОМ, что на строительстве Усть-Каменогорской ГЭС были уложены первые кубометры бетона под первую турбину, редакция газеты Восточно-Казахстанской области «Большевик Алтая» узнала последней. Редактор тов. Завьялов сокрушённо качал головой:

— Неудобно всё-таки. Под носом, можно сказать, большие дела творятся, а мы не в курсе. Нехорошо!

На место будущей электростанции был послан сотрудник редакции. Обегав со скоростью автомобиля важнейшие участки, он, не снижая темпов, лёг на обратный курс.

А наутро строители с удивлением прочитали восторженную статью, где ясно говорилось, что под первую турбину были уложены последние кубометры бетона. Одни недоуменно разводили руками, другие, по доброте сердечной, сочувственно говорили:

— Как тут не напутать, ведь писарь-то этот, как метеор, летел по строительству! Вот и поднапутал.

ПУТНИКИ ИЗ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА

Редакция сочла нужным признать свои ошибки только после того, как на них указала республиканская газета «Казахстанская правда».

Прошло немного времени, и газета доказала своим читателям, что строительством ГЭС она теперь занялась вплотную. На Усть-Каменогорской ГЭС, утверждала газета, не ведётся массово-политической работы, «рационализаторская мысль здесь также в загоне», «соревнование существует ради формы, оно не стало боевым, действенным», «в работе ГЭС нет ритма, больше полагаются на штурмовщину». Мрачную картину нарисовала газета. Строители читали и хмурились.

Но не успела просохнуть на этом номере газеты краска (речь идёт не о краске стыда), как «Большевик Алтая» снова уделил пристальное внимание строительству Усть-Каменогорской ГЭС.

Забыв о том, что писалось всего восемь дней назад, газета вдруг обнаружила, что на строительстве развёрнуто соревнование, работают прекрасные стахановские бригады. О соревновании прямо было сказано: «Социалистическое соревнование, в котором дружный коллектив строителей одержал немало славных побед, достигло особой силы и размаха».

Но и этого газете показалось мало, и она решила вконец ошарашить своих читателей.

Через три дня в газете появилась новая статья, в которой дела на стройке снова рисовались в мрачных тонах.

В общем газета сделала всё, чтобы полностью запутать своих читателей.

А строители, не считаясь с газетой, даже взяли обязательство — досрочно закончить строительные работы. Только теперь они газету «Большевик Алтая» раскрывают с осторожностью: не настряпала ли ещё чего-нибудь редакция?

Н. ФОМИЧЕВ



КРОКОДИЛА
и газет
Строитель
университета

На Должную Высоту!

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

СЕРЕНЬКИМ октябрьским днём, отличавшимся, по данным Бюро прогнозов, «преобладанием облачности и северо-западным ветром, слабым до умеренного», мы стояли на строительной площадке нового здания Московского государственного университета.

Даже сейчас, в незаконченном виде, был ошеломляюще грандиозен и прекрасен величественный дворец советской науки. Он был настолько прекрасен в своих строгих пропорциях, что нас, признаёмся, охватило чувство лирической грусти.

Как жаль, подумалось нам, что в ликующей толпе юношей и девушек, которые в ясный день осенью 1952 года войдут под белые своды нового МГУ, не окажется нас, пишущих эти строки! Не окажется по той простой причине, что пишущим эти строки уже не восемнадцать, и не двадцать, и — увь! — даже не тридцать лет!

А не будь этой досадной неприятности, с каким наслаждением мы уселись бы на добротные скамьи в сияющих, полных света и воздуха аудиториях, а после лекций в уютной студенческой комнате, оставленной строго, скромно и с безупречным вкусом, раскрыли бы книгу под настольной лампой! Здесь, в этом здании, подумалось нам, нельзя будет плохо учиться. Народ, партия, государство столько любви, отеческой заботы и материальных ценностей вкладывают в эту циклопическую стройку, что, пожалуй, у самого закоренелого лентяя не хватит совести ответить на эти заботы и на эту любовь позором неуспеваемости!..

...Грусть наша прошла, как переменная облачность.

«Каждому овощу своё время», — подумали мы, и эта привычная формула житейской мудрости вернула нас, как говорится, на грешную землю.

И мы решили прежде всего выяснить вопрос, что такое должная высота и что такое не должная.

На первую часть этого вопроса красноречивый ответ давало самое здание МГУ.

Вот она, должная высота — тридцативосьмизатная центральная часть грандиозного домища, увенчанная шпилем с блистающей звездой! Это её, башню МГУ, увидел с воздуха, подлетая на самолёте к Москве, и прочувствованно сказал потом о ней, как о символе труда

и миролюбия, настоятель Кентерберийского собора сэр Хьюлетт Джонсон, смелый рыцарь армии мира.

Для того чтобы найти ответ на вторую часть вопроса, нам пришлось изрядно потрудиться.

Однако с помощью стахановцев стройки: Петра Жаворонкова, знаменитого монтажника-верхолаза, Александра Патрикеева, того самого, который облицовывал звезду МГУ, облицовщиков Сергея Соломенцева и Алексея Ерхова, гранитчика Сергея Глебова, занятого созданием актового зала, каменщиков Якова Цицаркина и Василия Торбинского, штукатура Виктора Алексеева, маляра Фёдора Москвичёва и других людей, находящихся на должной высоте в буквальном и в переносном смысле этого слова, — нам удалось выяснить, что такое и «не должная высота».

С ГОРЫ ВИДНЕЕ

— ТУТ всё зависит от точки зрения, — сказали стахановцы-высотники. — Нам с нашей тридцативосьмизатной «горы», например, видно многое. Мы видим и московских наших поставщиков, и украинских, и белорусских: ведь здание МГУ строит вся страна, и строит отлично! И мы отчётливо замечаем, какой завод-поставщик находится на должной высоте, а какой не на должной.

Мы попросили высотников высказаться подробнее.

— Извольте! — сказали высотники. — Возьмите Московский завод асфальтовых плит, где директором товарищ Краснополянский. Этот завод должен был изготовить для стройки МГУ 440 тысяч асфальтовых плиток. Но, получив план, руководители завода сразу ударились в слёзы:

«Не справимся! Где уж нам?! Они хотят нестандартные плитки... и вообще!.. Освободите, пожалуйста!..»

В министерстве плакальщики «пожалели», и план был снижен до 90 тысяч плиток.

Завод выдал гарантию стройке, что в октябре поставит 50 тысяч плиток.

И поставил... только не плитки, а бумажку за подписью заместителя директора завода Полякова:

«Московский завод асфальтовых плиток ставит Вас в известность, что отпуск асфальтовых плиток в Ваш адрес временно прекращён вследствие распоряжения Министра промышленности строительных материалов».

— Но нам для укладки кровли всё-таки нужны плитки, — прибавили, грустно улыбаясь, высотники, — а не бумажки, хотя бы и с ссылкой на министра! Товарищи Краснополянский и Поляков нас крепко подвели. И совершенно напрасно в Министерстве промышленности строительных материалов закупают хорошую русскую поговорку: «Москва слезам не верит».

— Значит, вы считаете, что товарищи Краснополянский и Поляков работают не на должной высоте? — спросили мы высотников МГУ.

— Для нашей стройки, безусловно, не на должной! — ответили высотники.

— А кого вы ещё увидели с вашей «горки» из тех, которые... не на должной?

— Кого ещё?.. А вот, пожалуйста: Сукремльский завод канализационных труб, где директором товарищ Образумов. Это в Калужской области. В прошлом году завод поставил нам 700 тонн труб, и все они, — понимаете, все! — оказались сплошным браком. Трубы калужан протекали даже при давлении в одну атмосферу! Вмешался Госконтроль, — заводу предложено было заменить негодные трубы новыми, годными.

— Заменял?

— Четыреста тонн заменил, а про триста сказал: «За мной!» И до сих пор должен. Мы ему напомнили про должок, сначала вежливо и деликатно, потом покрепче: ведь у нас из-за этих труб работа по санитарной технике стоит! Отмалчивается. И только на днях порадовал телеграммой:

«У меня битума нет. Дадите битум — получите ваши трубы». По-нашему, по-высотному, даже если ты производишь продукцию, так сказать, подземного назначения, вроде канализационной трубы, — ты и тут обязан оставаться на должной высоте!

— Но не все же заводы-поставщики работают так, как Сукремльский?!

— Не все, конечно, но, к сожалению, немало. Да вот хотя бы эмаль-завод имени Артёма в Ворошиловграде. Директором там товарищ Крицын. Он нам поставляет поддоны для санитарных узлов и мойки «Москва». Обязан был поставить 3 300 поддонов и 250 моек. Поставил 1 200 поддонов и 30 моек — и в ус не дует. У нас срывается отделка квартир, мы эмаль-заводу шлём письма, телеграммы, обращения: давайте скорее остальное, — а он опять в ус не дует. И даже на наши

письма не отвечает. У директора Крицына, видать, голова другими делами забита — вот он и забыл про мойку.

— Ну, а как другие заводы-поставщики, — спросили мы высотников, — не подкачали?..

— Как вам сказать! — замялись высотники. — К сожалению... Да вот возьмите Витебский комбинат стройматериалов, директором там работает товарищ Левит. Этот комбинат должен был нам дать в октябре 400 тысяч штук кирпича, но не дал ни одного кирпичика. А ещё на нас работает Лосевский завод керамических плит — это в Харьковской области, директором там товарищ Устинов. Керамика этого завода идёт на облицовку наружных стен университета. Дело видное, ответственное! А завод его всё время срывает: то в срок заказ не выполнит, то выполнит в срок, но не комплектно, то совсем не выполнит. Замотались мы с этим капризным товарищем Устиновым. Вам ещё нужны примеры или, может быть, хватит?..

— Хватит! — сказали мы. — Пока хватит. Но какое же мы с вами отсюда сделаем заключение, вывод?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— ВЫВОД надо сделать простой, — сказали высотники, — вот какой: на всевозможных торжественных собраниях и совещаниях руководители отстающих заводов-поставщиков, наверное, выступают с красивыми и громкими речами. Мы, дескать, тоже строим здание МГУ, мы, дескать, тоже участвуем и тоже гордимся честью, которая выпала...

На этом месте надо вежливо прервать уважаемых ораторов и сказать им прямо:

— Дорогие товарищи, хватит! Здание Московского университета действительно строит вся страна, но труд и участие каждого будут оценены по делам его, а не по словам. И если вы, дорогие товарищи, рассчитываете подняться на должную высоту с помощью одного лишь красноречия, то вы жестоко ошибаетесь. Красноречие не поможет. Поможет честная, точная, качественная работа!

М. КРЮКОВ,
редактор газеты
«Строитель Университета»,
Б. ТУРОВЕЦКИЙ,
литературный сотрудник
редакции газеты
«Строитель Университета»,
Леонид ЛЕНЧ



М. В. ЛОМОНОСОВ: — Я его основал, а вы его под-
няли и возвеличили!..

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ И ЩУКИН

ИСТОРИЯ знает календари юлианский и грегорианский. Но мало кто знает о шукинском календаре. А такой существует...

Директор свердловского завода «Уралэлектрсаппарат» тов. Щукин решил в 1951 году удивить мир и дал областному издательству заказ на свой календарь:

— Завод у нас уникальный. Машины мы выпускаем уникальные. Ну, и календарь должен быть в соответствии...

Проект календаря в издательстве разрабатывали художники-оформители, опытные полиграфисты, литераторы-консультанты. Много было споров и дискуссий о формате, о количестве красок, о качестве бумаги.

— Дорогонько получается! — пытались умерить издательский пыл тов. Щукина полиграфисты. — Хватило бы для календаря и одной краски.

— Вы имеете дело с солидным заказчиком, — не без гордости возразил тов. Щукин. — За ценой не постоим!

Это был действительно уникальный календарь! Размер — тридцать на пятьдесят сантиметров. Роскошная бумага. Многокрасочная печать. На двенадцати отрывных листах, по числу месяцев года, приведены все необходимые данные, обозначены праздники, выходные дни. А главное, на каждом листе крупным шрифтом напечатано название завода, которым руководит тов. Щукин.

Украшив новым календарём свой кабинет и кабинеты руководителей Министерства электропромышленности, тов. Щукин вскоре охладел к своему детищу: издательство предъявило счёт за выполненную работу. У тов. Щукина не оказалось по смете денег на издание календаря, и платить издательству было нечем.

Автора рекламного календаря пригласили в арбитраж при исполнении. В арбитраже разговор был короткий:

— Календарь заказывали?

— Заказывали.

— Уникальный, в красках?

— Уникальный и в красках.

— Платите деньги и забирайте свои календари.

Чтобы оттянуть час расплаты, тов. Щукин подал кассацию в государственный арбитраж, в Москву.

Пока дело о календаре путешествовало по инстанциям, прошло ещё несколько месяцев. Не за горами и конец 1951 года. С каждым днём шукинский календарь всё больше превращался в бумажную макулатуру.

Деньги за календари Щукину пришлось всё же уплатить — тридцать три тысячи рублей были проведены по статье «Непроизводительные расходы». Что же касается самых календарей, то они и сейчас лежат на складе издательства...

Знаменитый римлянин Юлий Цезарь прославился не только потому, что создал свой, юлианский календарь.

Щукин же прославился только благодаря календарю.

А. НЕКРАСОВ

г. Свердловск.



ЖАЛОБЫ С ВИЗОЙ

Директор Онохойского лесокombината (Бурят-Монгольской АССР) тов. Газизов внедрил в жизнь предприятия весьма интересное рационализаторское мероприятие. Каждого 8, 16 и 26-го числа в комбинате устанавливался день директорского приёма. Вдохновенно писал о нём в приказе тов. Газизов:

«На директорский приём обязываю являться всех начальников отделов, цехов, не исключая своих заместителей, без опоздания. На директорский приём является лично подающий заявление со своим заявлением, визированным начальником отдела или цеха. Предупредить рабочих, служащих, что на директорском приёме будут рассматриваться только те заявления, которые визированы начальни-

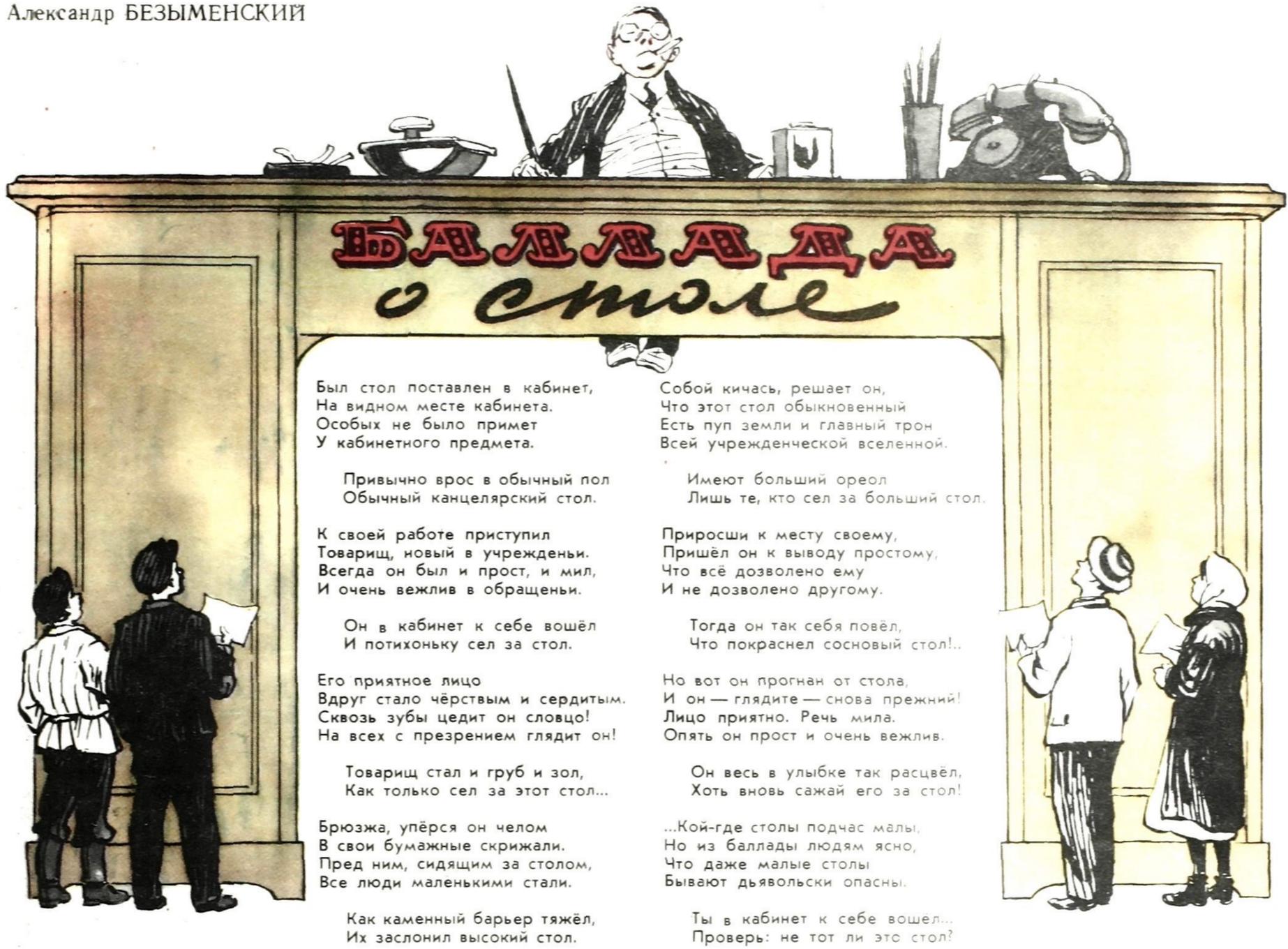
ком отдела или цеха, где он работает».

Кажется, ясно? Жаловаться можно, но только с визой того, на кого жалуешься. Невизированные жалобы не рассматриваются.

И теперь блаженная тишина царит в Онохойском комбинате! Особенно тихо там 8, 16 и 26-го числа каждого месяца. На приёме ни души. Сияет тов. Газизов, когда делопроизводитель Бухальцева докладывает ему:

— Жалоб нет!

И невдомёк тов. Газизову, а также партийной организации Онохойского лесокombината, что «директорский приём» — приём очень грубый и давно известный и называется он зажимом критики.



БАЛЛАДА О СТОЛЕ

Был стол поставлен в кабинет,
На видном месте кабинета.
Особых не было примет
У кабинетного предмета.

Привычно врос в обычный пол
Обычный канцелярский стол.

К своей работе приступил
Товарищ, новый в учрежденьи.
Всегда он был и прост, и мил,
И очень вежлив в обращеньи.

Он в кабинет к себе вошёл
И потихоньку сел за стол.

Его приятное лицо
Вдруг стало чёрствым и сердитым.
Сквозь зубы цедит он словцо!
На всех с презрением глядит он!

Товарищ стал и груб и зол,
Как только сел за этот стол...

Брюзжа, упёрся он челом
В свои бумажные скрижали.
Пред ним, сидящим за столом,
Все люди маленькими стали.

Как каменный барьер тяжёл,
Их заслонил высокий стол.

Собой кичась, решает он,
Что этот стол обыкновенный
Есть пуп земли и главный трон
Всей учрежденческой вселенной.

Имеют большой ореол
Лишь те, кто сел за большой стол.

Приросши к месту своему,
Пришёл он к выводу простому,
Что всё дозволено ему
И не дозволено другому.

Тогда он так себя повёл,
Что покраснел сосновый стол!..

Но вот он прогнан от стола,
И он — глядите — снова прежний!
Лицо приятно. Речь мила.
Опять он прост и очень вежлив.

Он весь в улыбке так расцвёл,
Хоть вновь сажай его за стол!

...Кой-где столы подчас малы,
Но из баллады людям ясно,
Что даже малые столы
Бывают дьявольски опасны.

Ты в кабинет к себе вошёл...
Проверь: не тот ли это стол?

ЗАВТРА, ЗАВТРА, НЕ СЕГОДНЯ...

Некоторые хозяйственники-коммунисты полагают, что занимаемые ими руководящие должности освобождают их от обязанности изучать марксистско-ленинскую теорию.

Рис. Н. ЛИСА

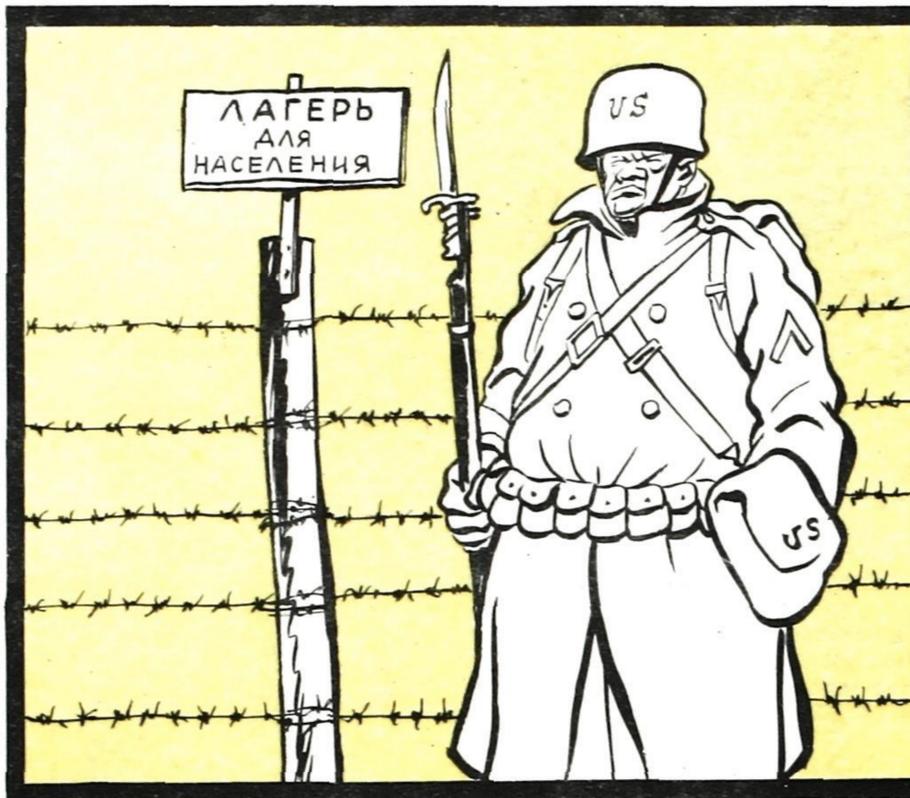


— Завтра, пожалуй, можно и за учёбу!..

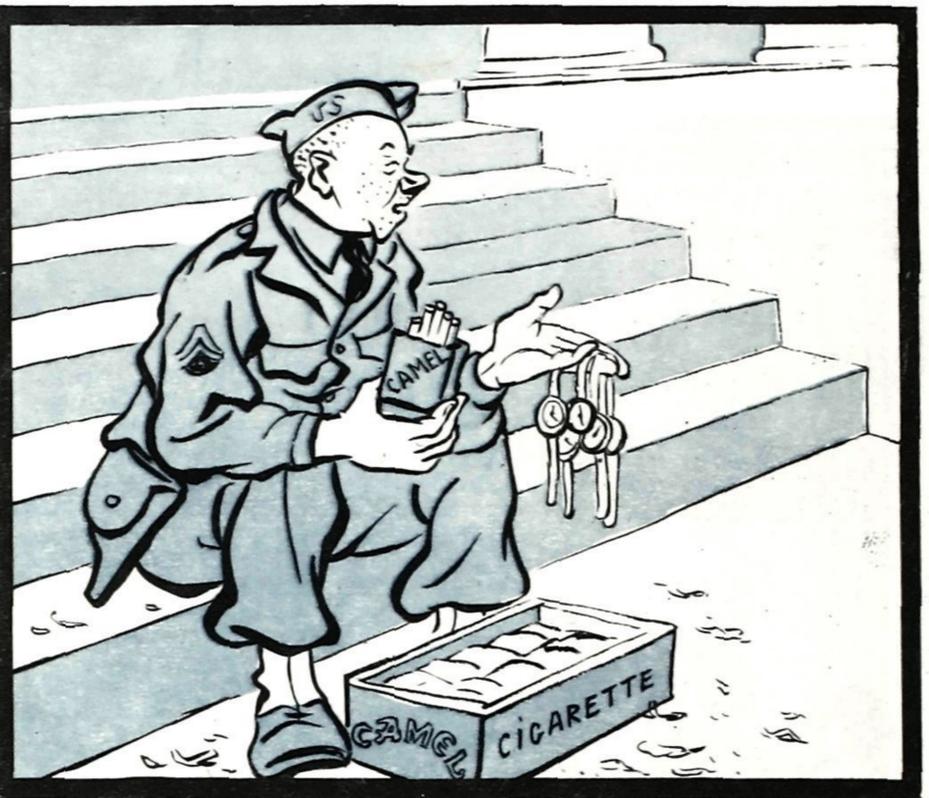
АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Как утверждает американская пресса, пребывание американских войск на чужих территориях отнюдь не преследует военных целей. Американская армия находится за пределами США, чтобы:

Рис. И. СЕМЕНОВА



Охранять демократию.



Способствовать развитию торговли.



Овладевать культурным наследием.



И, наконец, прививать другим народам американский образ жизни.

Гансгеорг ШТЕНГЕЛЬ

С АДЕНАУЭРОМ НАМ НЕ ПО ПУТИ

Недоступной кажется иным
Даль небес в необозримой сини.
Но не дальше ль солнца и луны
Майнц лежит от Биттерфельда ныне?

К звёздам можно на ракете плыть...
Путь свободен. Только бы домчала!
Но, чтоб в Цербст из Трира угодить,
Надо взять лицензию сначала!

На ракете, в вышине скользя,
Ты пройдёшь сквозь облаков заслоны,

Но пройти Германию нельзя,
Не наткнувшись на «чужие зоны»!

С этим можно бы покончить враз.
Ясно даже и детишкам в школе:
Надо, чтоб за круглый стол сейчас
Сели немцы — люди доброй воли.

Прост вопрос. Решить его легко,
И не поднимали б мы тревоги,

Если б Аденауэр и К^о
Не пытались нас свести с дороги.

Путь их так же, как их совесть, крив!
В ком сознание это не окрепло,
Тот, пути вермахта повторив,
Вслед за ним проковывает в пекло!

Перевёл И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

(Из журнала «Фришер винд». Германская
Демократическая Республика)

ЗАГОТОВИТЕЛЬ ПУШЕЧНОГО МЯСА

В НАЧАЛЕ года американские газеты радостно сообщили: «Национальный союз мод США признал самым модно одевающимся государственным деятелем генерала Маршалла. Он любит носить костюмы светлых тонов. Титул «лучше всех одевающегося преподавателя» присуждён бывшему ректору Колумбийского университета генералу Дуайту Эйзенхауэру».

На эту великосветскую хронику не стоило бы обращать внимания, если бы репортёр, расхваливая модных генералов, не залез в психологию. Оказывается, бывший ректор Колумбийского университета не только модник: он ещё «обладает замечательной памятью».

Память у Эйзенхауэра действительно особенная. Он помнит только то, что хочет. Восемнадцатого июня 1945 года Эйзенхауэр сказал: «Немецкий штаб должен быть разрушен. Немецкие генералы и офицеры не должны в будущем занимать свои прежние посты».

Прошло шесть лет. Бывшему начальнику оперативного отдела гитлеровского генерального штаба генералу Хойзингеру, адмиралу Ганзену, генералам Шпейделю, Гальдеру и пресловутому Гудериану возвращены не только их звания, но и высокие должности с огромными полномочиями и баснословными окладами. Десяток «фонов», два — три графа стали ближайшими советниками «лучше всех одевающегося преподавателя». Готовится в помощники Эйзенхауэра и Отто Оллендорф, бывший начальник третьего управления гитлеровского имперского управления безопасности, правая рука кровавого Гиммлера. Банда Оллендорфа, по его собственным показаниям на Нюрнбергском процессе, за год пребывания на временно оккупированной территории Советского Союза убила около ста тысяч человек.

Плохая память у Дуайта Эйзенхауэра! Забыть так скоро!.. Генерал плохо помнит даже некоторые события из собственной жизни.

Из многочисленных кличек, полученных в детстве от товарищей, он почему-то любит вспоминать только одну: «Долговязый» — и совсем забыл про кличку «Противный Айк». Впрочем, много лет спустя, когда японские бомбы начали падать на Пирл-Харбор, генерала называли «Айк-паникёр». И об этом он, говорят, давно забыл.

Генерал не любит вспоминать о первых годах своей военной службы. Для этого у него есть все основания. Едва ли можно считать удачником человека, прослужившего в армии 25 лет и успевшего за это время с трудом докарабкаться до чина майора. А карьера Айк-паникёра первые четверть века так и упёрлась в скромный майорский чин. Офицерам девятнадцатой пехотной дивизии, в которой Эйзенхауэр когда-то начал свой стаж, нечего рассказывать новобранцам о нынешнем главнокомандующем вооружёнными силами Северо-атлантического союза: уж очень непримечательной личностью был младший лейтенант Эйзенхауэр. Он так бы и остался заурядным офицером, если бы счастливый случай не свёл его в 1930 году с начальником американского генерального штаба Дугласом Макартуром. Мало кому известный пехотный офицер выскочил в адъютанты Макаргура.

Тут можно отдать должное памяти Айк-ка. Спустя много лет бывший адъютант не забыл своего генерала: вступив в должность ректора Колумбийского университета, Эйзенхауэр немедленно присудил Макаргуру учёную степень доктора наук. Не забыл он и своих друзей — Клея и Брэд-

ли. Оба они — и заодно с ними и господин Трюгве Ли — «за особые заслуги по охране мира» получили от Айка докторские дипломы.

Трюгве Ли, конечно, попал в генеральскую компанию только благодаря тому, что Эйзенхауэр строго следит за модой. То было время, когда в газетах портреты Трюгве Ли печатались рядом с кинозвездами и знаменитыми убийцами. «Друга Дугласа» он благодарил, по всей вероятности, вполне искренне. После знакомства с Макаргуром карьера Айка круто



пошла вверх. Когда-то богатая родня жены вытасила Макаргура из безвестности, а теперь сам генерал свёл своего адъютанта с семьёй владельца нефтяного треста «Стандарт-ойл» Джона Рокфеллера-старшего. Золото Рокфеллера сделало Айк-паникёра генералом, кандидатом в «национальные военные гении». И где бы ни находился Эйзенхауэр — на Филиппинах, в Северной Африке или в военном министерстве США, — он говорил и делал всё, что нужно нефтяному королю.

Конечно, производство Эйзенхауэра в главнокомандующие обошлось Рокфеллерам недёшево, но зато очень приятно слушать, как свой доморощенный генерал изрекает истерические афоризмы: «Америка слишком разоружилась!», «Нам нужно больше нефти!», «Всякие старомодные разговоры о национальном суверенитете стран, подписавших Атлантический пакт, — это просто чепуха!»

Случается, генерал, будучи чем-нибудь недоволен, выходит из себя и сболтнёт лишнее. Так, однажды он ляпнул: «США, если захотят, смогут высечь весь мир!»

Желаемое Айк выдал за достигнутое. Конечно, и ему самому, но главным образом его хозяевам очень бы хотелось «высечь весь мир». Но руки коротки. Есть Северо-атлантический пакт, есть объединённый, хотя и плохо сколоченный, но всё же штаб, есть главнокомандующий, но нет армии. Есть у хозяев Айка военно-

морские и военно-воздушные базы, коварные замыслы, страстное желание подчинить себе весь земной шар. Есть услужливые правительства в маршаллизованных столицах, но не хватает главного — достаточного количества солдат, желающих воевать за интересы Уолл-стрита.

Война в Корее показала: американские солдаты ненадёжны, воюют плохо. Нельзя же всерьёз надеяться на турецкие, испанские и прочие роты и взводы. Эти уж совсем плохи: чуть огонь посильнее, поднимают руки вверх и пачками идут в плен. Какой же толк от главнокомандующего и его штаба, если солдат не хватает!

Генерал очень хорошо помнит, кому и за что он служит. Он не выигрывал ни одного сражения, но ордена щедро, как из рога изобилия, сыплются на его грудь. Айк знает: всё сразу изменится — не будет ни денег, ни орденов, ни почёта, если он хотя на секунду забудет о желаниях своих хозяев. А хозяева торопят. Им не терпится, они хотят поскорее начать войну, быстрее получить новые прибыли. Заурядный пехотный майор носится из страны в страну, подгоняет мелкопоместных английских, канадских, французских заготовителей пушечного мяса:

— Быстрее! Быстрее!

Генерал кричит на медленно поворачивающихся премьеров и министров иностранных дел. Распекает военных министров и лидеров социалистических партий:

— Где же обещанные солдаты? Почему их так мало? Быстрее! Быстрее!

Досужие репортёры подсчитали, что во время пребывания Эйзенхауэра в Париже, Риме, Оттаве фамилия генерала повторялась в газетных заголовках несколько тысяч раз: «Эйзенхауэр потребовал», «Эйзенхауэр решил», «Правительство доложило Эйзенхауэру»...

Правда, те же репортёры сбились, подчитывая, сколько раз в Риме, Париже, Брюсселе кричали генералу: «Эйзенхауэр! Убирайся домой!»

Морганы, дюпоны, рокфеллеры — настоящие хозяева США — не любят чёрной работы. Для чёрных дел внутри страны у них есть начальник Федерального бюро расследования Гувер, лидеры Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов. Есть борзые репортёры жёлтых газет и Голливуд. Есть, наконец, «Американская компания убийств», где можно за недорогую плату заказать любое убийство.

Заготавливать в заокеанских колониях дешёвое пушечное мясо поручают де Гаспери, Аденауэру, Шуману. Но за спиной Плевена, сочинявшего план возрождения нацистской армии Западной Германии, стоял Айк-паникёр. Впрочем, теперь ему дали новую, приличную кличку — Айк-спаситель.

Дуглас Макаргур еле унёс ноги из Кореи. Как бы и его другу не пришлось спасать себя из Европы!

Иногда на Эйзенхауэра нападает меланхолия, и он уезжает к себе на ферму, в «родной Канзас». Здесь он любит порисоваться перед падкими на сенсацию репортёрами и представляется им скромным земледельцем. Однажды он, кривляясь, сказал:

— Я жалею всех парней, которые вынуждены жить в городах. Я дорого бы дал, чтобы видеть их поближе к земле...

Пока что он дорого платит гитлеровским генералам за их «опыт», как лучше укладывать парней в землю.

Генерал должен не забывать, что у народов крепкая память.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

МИСТЕР БАНТИНГ В ДНИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО РОМАНА)¹

В ОДИН из воскресных дней мистер Бантинг твёрдо решил встряхнуться. Его просто угнетала обстановка «Золотого дождя», где не только улетучились все признаки относительного комфорта, но бесцеремонно воцарилась весьма нереспектабельная и неуютная бедность. В последнее время мистер Бантинг очень плохо чувствовал себя под гнётом страха. Это был страх перед будущим, которое, выражаясь с излюбленной нашим героем английской сдержанностью, стало весьма неопределённым.

В это воскресенье был день рождения его погибшего сына Криса. Мистеру Бантингу хотелось провести праздник вместе с единственным теперь сыном — Эрнестом. А Эрнест не мог приехать в «Золотой дождь». Жена его, тихая Эви, была больна и лежала в постели. С утра мистер Бантинг долго смотрел в раздумье на бумажный флаг Британской империи, оставшийся на память от покойного Криса, тот самый, сделанный сыном ещё в детстве «флаг Криса Бантинга для коронации», который описал в своём романе мистер Гринвуд. Бережно свернув эту семейную реликвию, мистер Бантинг положил её в карман. Старику хотелось, чтобы флаг Криса был с ним в этот день.

На вокзале нашего путешественника ожидало большое разочарование. Он узнал, что утренние поезда отменены. «Почему?» — попробовал было удивиться мистер Бантинг. Однако вывешенный на видном месте в зале ожидания пёстрый плакат давал исчерпывающий ответ на этот наивный вопрос. Плакат разъяснял населению, в чём заключается счастье Англии. Для счастья Англии, оказалось, надо обязательно сократить пассажирские перевозки и, экономя таким образом уголь, побольше ходить пешком.

«Ну, разумеется, — подумал мистер Бантинг, — с моей стороны очень непатриотично предпринимать воскресные прогулки по железной дороге. Как же я позволил себе забыть, что уголь и электроэнергия нужны для военных заводов, а вагоны — для перевозки оружия? Джули сказала бы, что англичанам вообще давно пора отказаться от дурной привычки ездить в вагонах, а вме-

сто этого научиться преодолевать любые расстояния с котомкой за плечами».

Однако тут мистер Бантинг заметил, что его мысли приобретают оттенок непростительной иронии по отношению к властям, и молчаливо ужаснулся.

В Лондон он приехал только к полудню. Эрнест встретил отца на пороге. Мистер Бантинг заметил, что сын его сильно похудел.

Строго придерживаясь своей теории, которая гласила, что терпение и безукоризненная лояльность должны постепенно привести к самым благотворным результатам в жизни каждого добропорядочного англичанина, мистер Бантинг, однако, с огорчением убеждался в том, что этот закон почему-то не оказывает никакого влияния на судьбу его сына Эрнеста. Эрнест обладает недюжинным талантом музыканта. Но он стал не знаменитым скрипачом или композитором, а вначале комиссионером по продаже домов и затем администратором в прачечной. Мальчик храбро воевал с Гитлером, но и после войны в его карьере не произошло сколько-нибудь отрядных изменений. Теперь он работал помощником мастера на посудной фабрике.

— Прости, папа, что я не могу предложить тебе рюмочку твоего любимого виски «Принц Чарли», — сказал Эрнест. — В наше время приходится довольствоваться вот этой подслащённой водичкой. — Эрнест налил отцу рюмочку дешёвого лимонада и, помолчав, добавил: — Да, скоро в моей жизни будут большие перемены!

— Наконец-то! Я был уверен, что ты пойдёшь в гору, Эрнест! — с некоторой торжественностью произнёс мистер Бантинг. — Тебя приглашают на более солидную должность?

— Нет, папа, меня приглашают стать безработным, а может быть, даже сесть в тюрьму.

— Что за глупые шутки?

— Я не шучу. Наша фабрика закрывается, так как всех рабочих и служащих, занятых на производстве предметов широкого потребления, правительство переводит на военные заводы.

— Но там же лучше платят, сынок!

— Как бы там ни платили, я не пойду на военный завод. Я не буду участвовать в этом гнусном деле. Неужели ты не видишь, что они ташат Англию в пекло войны?

В словах сына Джордж Бантинг уловил раздражение и ту бесповоротную решимость, которую по временам можно было наблюдать в Эрнесте.

— Мне кажется, ты ошибаешься, сынок, — пытаюсь отчаянными усилиями воли удержаться на своих философских позициях, ответил мистер Бантинг. — У нас демократия. Наши министры неизменно заявляют, что они стоят за мир. Ну, правда, военные расходы увеличились, но ведь они идут на оборону. Иначе же враги разбомбят Лондон!

— Я был на митинге, где выступал один министр, — иронически улыбаясь, сказал Эрнест. — Помню, этот министр с пафосом воскликнул: «Я тридцать лет веду рабочий класс!» Из публики ему задали только один вопрос: «Куда?» Тут министра прямо-таки ударил взрыв огулительного хохота. Папа, ты можешь быть спокоен за наших министров. Они хорошо знают, куда им приказано вести Англию. А не думаешь ли ты, папа, что военные расходы и наши жертвы нужны не для того, чтобы меньше бомб падало на Лондон и другие города Англии, а как раз наоборот?

— Ты шутишь, Эрнест!

— Отнюдь нет. Один из американских генералов недавно расчувствовался и поведал, для чего ему нужна Англия и за что он её любит. Этот бодряк успокоил нас, сказав, что если в случае войны Лондон и большая часть Англии будут разрушены до основания, совсем не беда. Англия, даже превращённая в пустыню, всё равно будет полезна американцам как сухопутный авианосец для их бомбардировщиков...

Распрощавшись с сыном, мистер Бантинг долго бродил по улицам Лондона, погружённый в глубокую задумчивость. Глядя на развалины домов, разрушенных ещё бомбами гитлеровской авиации, мистер Бантинг горько вздохнул. Руины как будто заботливо сохраняются такими, какими они были непосредственно после бомбёжки. Когда-то он, Джордж Бантинг, мечтал вместе со своим другом Кордером, что Лондон опять воскреснет

ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ КАНТОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ

Рис. А. БАЖЕНОВА



— Что это там ещё за голоса кричат: «Вон американцев!...»!
— Думаю, что это те голоса, которые мы потеряли на выборах!

и встанет, как феникс, из пепла. Если дело пойдёт так, как говорит Эрнест, то сравнение с фениксом следует признать несколько неудачным.

Его размышления были прерваны бравурными звуками военного марша. Мистер Бантинг увидел, как посреди мостовой шагают длинные колонны американских войск: пехотинцев, моряков, лётчиков. Тут только он заметил, что на домах вывешены американские национальные флаги.

— Что это такое? — с недоумением спросил мистер Бантинг одного из прохожих.

— А разве вы не знаете, что сегодня 4 июля — День американской независимости?

— Но почему он празднуется в Лондоне? Здесь же не Америка!

— Видимо, для того, чтобы англичане лучше помнили о потере британской независимости... Кстати, будьте осторожны, не скажите этим американцам, что здесь не США: они обидятся. Американцы хотят чувствовать себя здесь, как дома.

Мистер Бантинг решил было возразить собеседнику, но сдержался: он считал неприличным затевать спор на улице.

Так незаметно, бродя безо всякой цели, Джордж Бантинг дошёл до площади Гравенор-сквер. Здесь он остановился, желая передохнуть немного. Продолжая размышлять о судьбах Англии, мистер Бантинг вынул из кармана флаг Криса — маленькое знамя Британии. Это знамя прикрывало тело его сына, погибшего в бою с фашистами.

Джордж Бантинг поднял флажок, как бы желая всмотреться в него пристальнее. Ветер развернул полотнище.

Тяжёлая рука опустилась на плечо мистера Бантинга.

— А ну, проходи без задержки! — крикнул коренастый американский сержант.

— В чём дело? — спокойно и с достоинством спросил Джордж Бантинг. — Вы не имеете права. Я британский гражданин.

— Ах, так? — пробормотал сержант.

Раздались оглушительные трели свистка. Переданный в руки американских военных полисменов, добропорядочный мистер Бантинг в первый раз за всю свою долгую и безукоризненно лояльную жизнь предстал перед властями в неблагоприятной роли нарушителя спокойствия.

Через полчаса полисмены докладывали своему начальнику о подозрительном поведении «красного старика», задержанного 4 июля, в День американской независимости, на площади Гравенор-сквер. На этой площади расположены, как известно, учреждения США, начиная от консульства и кончая охранкой. На Гравенор-сквере строго запрещены какие-либо демонстрации. А старик не только демонстративно размахивал британским флагом, но при задержании высказал преступные взгляды, дерзко заявив, что он независимый британский гражданин.

Мистер Бантинг просидел в заключении трое суток, пока не выяснилось, что ему трудно приписать участие в «коммунистическом заговоре».

Явившись наконец в «Золотой дождь», мистер Бантинг долго успокаивал плачущую жену. Однако на этот раз у него явно не хватало слов утешения: язык не поворачивался сказать, что всё идёт к лучшему.

— Папа, я получила письмо от Берта из Кореи, — сказала Джули. — Он переслал его с одним раненым сержантом, которого привезли в Лондон. Прочти, что он пишет.

Мистер Бантинг медленно протёр очки и прочитал:

— «Здравствуй, Джули! Пока я ещё жив, но ты уже можешь считать меня мёртвым. Поэтому спешу сообщить, каким болваном был твой покойный Берт Ролло.

Ты знаешь, раньше меня приводило в телячий восторг всё американское. Теперь я могу радоваться: я познакомился с американскими миллиардерами. Они чертовски великодушны. Во-первых, они позволяют мне умирать за их прибыли. Во-вторых, они доверяют англичанам самые тяжёлые бои, например, заставляя нас прикрывать отступление. Правда, английские части Америка снабжает много хуже, чем свои, но разве можно обижаться? Они же не считают нас за полноценных людей! Когда я дрался с немецкими фашистами, я никак не думал, что буду воевать за фашистов, против честных людей. Ну, не болваном ли был твой покойный муженёк?!

Джули, не позволяй им дурачить себя так, как они делали это со мной.

Твой Берт».

— Ты не сердись, папа? — спросила Джули, улыбаясь сквозь слёзы. — Берт выражается несколько нетактично. Ведь ты же не раз объяснял мне, что американцы — наши лучшие союзники и друзья. Ведь вместе с ними мы отстаиваем в Корее блага демократии, не правда ли?

— Не говори глупостей, Джули. Ведь ты уже взрослая женщина, — тихо ответил мистер Бантинг, аккуратно вкладывая письмо Берта в конверт.

— Спасибо, папочка, — ответила Джули. — Мне кажется, что ты тоже становишься взрослым!



Дор. Ефимов - 51



К а р а с ы К а



(РАССКАЗ КОЛХОЗНИКА)

МЕСТА наши высокие, сухие, безводные. И, знаешь, как радостно было в колхозе, когда соорудили пруд! Недалеко от села был широкий лог. По нему каждую весну вода проходила. Прощупит бесполезной рекой, и нет её. Куда ушла, не спрашивай. А колхозники взяли, земляной плотиной лог перегородили и в первую же после того весну стали со своим прудом. Образовался он шириной метров в сто, длиной без малого километр.

С водой новые радости в жизнь пришли. Хозяйственная польза от пруда получилась могучая. Водопой для скота — это одно. Завели водоплавающую птицу — другое. Для начала десятка три — четыре. А теперь пойдёшь, глянь: птиц белым-бело, чисто пуху намело. Стаи уток да гусей на пруду, как облака по небу, гуляют. И ещё, летом, как известно, купанье. В большие праздники гуляния возле пруда. А молодёжь — та каждый вечер по воде песни стелет. Всякому свся радость.

Года не прошло — установили на берегу двигатель с насосом. От него к ближним полям трубы проложили; сделали орошаемый участок — заметная прибавка к урожаю получилась. По этому случаю Иван Тимофейич Поярков, на пруд показывая, любил говорить:

— Тут тебе и удовольствие и продовольствие.

Тимофейич колхозные бахчи сторожил, и его шалаш на виду пруда стоял. Один раз случилось так: встал Тимофейич до солнышка, смотрит: на берегу два каких-то человека сидят. Лицом к воде сидят и молчат. Недалеко от них виднеется маленькая легковая машина «Москвич».

— Вам чего, граждане? — спрашивает Тимофейич.

Те на него руками замахали, как гуси, зашипели:

— Тиш-ше!..

Тимофейич к ним подошёл, цыгарку свёртывает, смотрит. Они удочки во все стороны ёжиками расставили и сидят себе, на поплавки уставились, рыбку поджидают. Один другого нет-нет да шёпотом и спросит:

— Клёёт?
— Нет. А у тебя?
— Тоже нет.

Смех Тимофейича разбирает. Он думает: «Ладно, пусть посидят».

А день всё ближе подходил. Вода в пруду сделалась, как полированная. По ней туман девичьими косами вьётся, вверх поднимается и в небе тает. Поплавки будто в кипятке варятся. Другого берега не видно, из тумана только верхушки молодых деревьев выставлялись. Они солнцем уже позолочены. Тишина... Только и слышно: где-то утки переговариваются.

— Эх, красота-то здесь какая! — говорит один рыбак.

Тимофейичу радостно за свой колхоз стало. Да и за себя тоже. Красота эта, можно сказать, своими руками сделана.

— Вы кто ж такие будете?

Рассказали. Они с одного воронежского завода — инженер и токарь по металлу, — в отпуске. Люди молодые, на месте им не сидится. Вот они и катаются на своей машине по всей области.

Подобрел Тимофейич. Говорит им:

— Вы уж нас извините, дорогие товарищи, но, по правде сказать, пруд этот хотя и красивый, но нежилой.

Посмеялись они, удочки собрали.

Токарь говорит:

— Придётся вам помочь.

Достал из машины ведро и в пруд воду из неё выплеснул.

— Этого теперь у нас хватает, — говорит Тимофейич.

А токарь смеётся:
— Эта вода — живая, с Дона взята.

С тем и уехали. А как уехали, Тимофейич на том самом месте, где токарь воду в пруд выплеснул, увидел карасиков. Стоят в пруду у самого берега три сонных карасика и шевелят хвостиками. Интересно! Тимофейич ниже наклонился, а борода у него в воду окунулась и испугала карасиков. Они встрепенулись и вглубь уплыли.

Ушли карасики, и спокойствие от Тимофейича ушло. Стал ему пруд казаться каким-то пустынным, а вода в нём — и вправду неживой. Пришёл он в правление колхоза и со всей резкостью заявил:

— Пруд у нас неправильный! Пустой.
— То есть как это? От птицы воде тяжело, а ты — «пустой».

— Птица — она на крыше пруда, а внутри воды хоть шаром покати.

И стал он рассказывать про то, как проезжие рыбаки у пруда сиднем сидели, да как трёх донских живцов — карасиков — в пруд пустили, да какое от рыбы будет удовольствие и продовольствие, если она заведётся, и прочее.

Председатель колхоза Сергей Григорьевич Дубатовкин говорит:

— Вижу, куда ты клонишь. Непривычно нам рыбой заниматься. Наше дело — земля, скот. Рыба — дело рыбацкое.

Тимофейич в спор пустился, но председатель от спора отказался:

— Ты меня от зернового хозяйства на ответвления не толкай, не распылай внимание колхоза!

Однако на этом дело не кончилось. Сергей Григорьевич упористый, стронуть его трудно.

А Тимофейич настойчивей: не отстанет, пока не стронет. Вот и пошло между ними: кто кого?

А тут ещё, как будто кстати, зачастил на пруд Сергунька Тиньков, сын пастуха Егора. Этой весной он закончил школу-семилетку, а пристрастие и талант имел к художеству. Он по утрам на областную выставку колхозных художников картину рисовал. Хорошо получалось. Сидит, кисточкой туда-сюда двигает и всё, что на пруду видит, на холст кладёт. И воду, и зелёный берег с молодыми берёзками, и навес с двигателем, и косогор с бахчой тоже положил. По тропинке утки вперевалочку идут на утреннее купание. На краю косогора шалаш. Возле шалаша сторож бахчи у костра сидит, ранний завтрак варит. У самой травы лежит зорька, а выше зорьки плывут облака, и по ним уже бьют солнечные лучи. Красиво!

Работу Сергуньки проверял Иван Павлович Новиков, учитель рисования. Он говорит:

— Всё хорошо получилось, только вода какая-то не такая, как будто она не мокрая.

Принялся Сергунька воду и так и этак перекрашивать, а всё не становится она мокрее. Иван Павлович только головой качает, а Тимофейичу парнишку жалко. Он и говорит:

— Сергунька в первый раз в жизни так много воды видит — без привычки не рисует. Ты по воде отдельными местами рябь пусти, как от ветра, — вот и вся недолга.

Сергунька так и сделал...

После уборки урожая надумал председатель снять с бахчей остаток арбузов и отвезти на колхозный рынок в Воронеж. Расчёт был такой: продать в городе арбузы и на вырученные деньги там же закупить лес для постройки здания насосной станции. Так и сделали: нагрузили

две автомашины, поехали. На одной машине ответственным Михаила Демьянович Верёвкин, завхоз, на другой Тимофейич, общее руководство за председателем, а пассажиром Сергунька Тиньков. Ему как раз пришло время везти картину на выставку.

В Воронеже каждый занялся своими делами: кто хозяйственными, кто художественными. Управились с делами, заехали в Дом народного творчества, где выставка была.

Картин много, и все разные. Есть и лучше и хуже, и каждую нужно было разобрать от начала до конца, по косточкам. Доходит очередь до картины «Колхозный пруд. Утро». Мнение складывается такое: дать Сергею Тинькову поощрительную премию, чтобы рисовал ещё лучше. Вся комиссия за это, только один против — художник. Он с усиками и бородкой. А борода кисточкой. Вот он и давай своей кисточкой вверх-вниз пошевеливать. Воздух, говорит, у картины есть, и даже прохладный, и даже с ветерком. Зорька? Хорошая зорька, утренняя. И уточки хорошие. И арбузы видно, что спелые. Но что касается воды, — не чувствуется ему, что это вода. Прозрачности в ней нет, и морщинки на ней, как застывшие, неподвижные.

Видит Тимофейич: плохи дела, защекочет кисточка сергунькину картину. А кто морщинки парню подсказал? Он, Тимофейич. Значит, и отвечать ему. Вот он и решился, незванный, непрошенный вышел к картине:

— Извиняюсь! Где же здесь морщинки?
— Как где? А это что?

Тимофейич даже засмеялся и руками всплеснул:

— Да ведь это ж карасики в воде! Они на зорьке стайками держатся и без всякого движения в задумчивости дремлют. Если с берега смотреть, то так и видится, как здесь нарисовано, на картине.

Художник на другое место пруда показал:

— А это что?
— Где? Здесь?.. Тоже карасики.
— А это?
— Опять же они.

Художник прямо растерялся:
— Ну, знаете ли, это уже не пруд, а какая-то кастрюля с карасями.

Тут один общественный представитель вмешался.

— Позвольте, — говорит, — что в этом удивительного? У нас в области нередки колхозные пруды, где с каждого гектара площади снимают до двадцати центнеров рыбы. Вот вам и кастрюля!

— Верно! — обрадовался Тимофейич. — Урожай на рыбу идёт такой, что аж пруд пучит. Уж это наш председатель, товарищ Дубатовкин, хорошо знает!

Тимофейич глазами председателя искал и не нашёл. Никуда он не девался, был неотлучно среди людей, а сделался какой-то невидимый. Не нашёл его Тимофейич — и только.

...Всю обратную дорогу председатель с Тимофейичем не разговаривал, а всё чего-то на пальцах прикидывал и разные цифры шёпотом называл. Прикидывает, а сам и кричит, и вздыхает, и головой качает. Ну, а Тимофейич с разговорами тоже не навязывался. Ему, правда, очень хотелось узнать у председателя, как он достиг, что невидимым сделался, но посмотрел, посмотрел на него и ничего не спросил.

Разговор был окончен. Председатель упористый, стронуть его с места трудно, а уж если он стронулся, — тут ему не мешай!

г. Воронеж.



ФЛЕЙТА МАРИЕНГОФА

«Умел ли царь Николай I играть на флейте?»

Автор этих строк не раз задавал себе такой вопрос и, конечно, не находил ответа. И вот только на днях наши сомнения рассеялись.

Из вполне авторитетного источника мы узнали, что его императорское величество действительно собственноручно насвистывало на флейте.

О сем сказано в одной пьесе, выпущенной в 1951 году издательством «Искусство». Надо полагать, что в таком солидном издательстве на сей счёт имеются самые достоверные сведения.

Вот послушайте:

«Княгиня Сольская. Сыграйте, государь, на флейте.

Николай. Мне остаётся только сказать: слушаюсь, ваше сиятельство...

Графиня Нессельроде... (передаёт флейту Николаю). Ваше величество...

Николай. Мерси. (Берёт флейту.) Сыграем, княгиня, ноктюрн Фильда (играет на флейте).

До чего утончённо, до чего изысканно! Княгини, графини, ноктюрны, аксельбанты, и в центре всей этой роскоши длинноногий царь в лосинах.

Очень уж любят некоторые драматурги хоть малость повращаться в придворной обстановке. Надо или не надо, а суют в пьесу великосветский бал.

Всё это должно «оживить» пьесу и заштопать в ней дырки, образующиеся оттого, что автору нечем заполнить так называемую драматургическую ткань.

Цитата, которую мы привели выше, взята из пьесы Анатолия Мариенгофа «Рождение поэта». Речь идёт о Лермонтове.

Убит Пушкин. На смену ему во всей своей силе встаёт новый могучий поэтический дар, уже взволновавший Россию пламенными строками «Погиб поэт! — невольник чести — пал, оклеветанный молвой...»

Это, казалось бы, и должно было явиться темой пьесы. Но, скажите, пожалуйста, при чём тут Николай с его флейтой?

Да, в судьбе Пушкина и Лермонтова царь и его приспешники сыграли свою злодейскую роль. Но Мариенгоф показывает не злодеев, не убийц, а милого царя, ухаживающего за милыми дамами.

Но зато как всё это красочно, как сценично, какие декорации и какой реквизит!

Вот поэтому в пьесе и нет народа. Ведь народ не ходит в лосинах и не является поклонником изящных ноктюрнов Фильда.

Нет в пьесе и русской интеллигенции, поскольку скромные сюртуки не выдерживают никакого сравнения с генеральскими мундирами. Известно, что вместе с Лермонтовым в Московском университете учились Белинский, Станкевич, Герцен, Огарёв. Но ввиду того, что это был не князь Белинский, не граф Станкевич, не его превосходительство Герцен и ни его высочество Огарёв, автор пьесы проходит мимо них.

А вот эпизод, который так и просится в пьесу о Лермонтове, в пьесу, названную «Рождение поэта». Молодой офицер Лермонтов сидит на гауптвахте. Его посещает Белинский. Они разговаривают о литературе, о поэзии, спорят, поэт читает Белинскому свои стихи. После этого свидания Белинский в письме к Боткину восклицает: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого!»...

Этого в пьесе нет. Всё это заменено флейтой Николая.

Николай намерен послать опального офицера Лермонтова на Кавказ. Это надо понимать так — под пули чеченцев.

Царь говорит «умно» и «интересно». Он вдруг становится почти поэтом и так живописует Кавказ, что можно подумать, что не Лермонтов, а он написал «Мцыри».

«Николай. Могучая природа, первозданный хаос, горы со снежными головами, дикие ущелья, стремнины, первобытные характеры, геройство воинов наших. Ведь это же кладёз для вдохновения!»

Вот как Мариенгоф рисует перед советским поколением образ Николая, этого душителя и вешателя!

Кроме царя почти все остальные действующие лица в пьесе до крайности глупы.

Вот, к примеру, как Е. А. Арсеньева, бабушка поэта, разговаривает с Иванычем (слугой Лермонтова):

«Елизавета Алексеевна. А на улице-то метёт, на улице вьюга.

Иваныч. Никак нет-с, — тихо.

Елизавета Алексеевна. ...Тихо!.. Сей миг тихо, а через пять минут заметёт. Звёзды-то не сияют.

Иваныч. Сияют, ваша милость».

А каков на этих страницах сам Лермонтов! Эпиграфом к своей пьесе Мариенгоф поставил двустишие поэта:

Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Но в самом произведении Мариенгофа мы не видим «гордого чела» автора «Демона» и «Героя нашего времени». Великий русский поэт выглядит в пьесе маленьким корнетом, пишущим стишки.

Автор мужественных стихов, тот самый, который смело бросил в лицо светской черни слова о «надменных потомках известной подлостью прославленных отцов», посмотрите, какой овечкой он выглядит по милости Мариенгофа на допросе у Клейнмихеля.

Царский сатрап кричит, угрожает, всячески оскорбляет поэта, называет его стихи «гнусным мараньем», а тот или молчит или оправдывается:

«Я, ваше превосходительство, не записной сочинитель...»

«Я написал его (речь идёт о стихотворении «Смерть поэта») только в одном экземпляре...»

«Я со всем послушанием ответил на ваш вопрос.

«Слушаю-с».

Представьте себе, что эта пьеса идёт на сцене. Какое представление о великом поэте получит на таком спектакле наш зритель, в особенности молодёжь?

Всё это надо назвать своим собственным именем — клеветой на Лермонтова.

Г. РЫКЛИН



К Р О К О Д И Л А

ЗАГАДКА БЕЗ РАЗГАДКИ

Читатель Крокодила тов. И. Левитин задал нам загадку:

«Как называется в Ленинграде переулочек, который одним концом упирается в проспект Карла Маркса, а другим — в Выборгскую набережную?»

— Что же здесь загадочного? — удивились мы. — Любой ленинградец даст ответ в несколько минут.

Но, увы, при проверке оказалось, что ни один ленинградец не в состоянии решить эту незамысловатую задачу.

Над домом № 8 висел фонарь:



На фонаре соседнего дома № 10 можно было прочесть:



Но уже на фонаре дома № 16 значилось:



Зато тут же рядом на угловой дощечке прохожий убеждался в том, что здесь:



Как же всё-таки называется этот переулочек, где что ни дом, то новая табличка? Мы хотели было объявить премию за правильный ответ, но поняли, что это бесцельно: даже в Ленсовете едва ли разгадают эту загадку...

КОГДА СКРОМНОСТЬ НЕ УКРАШАЕТ

Рис. С. ЗАБАЛУЕВА



- Почему этот студент ничего не говорит о слабой успеваемости своей группы!
- Очевидно, не желает выпячивать своё «я»!

СТУДЕНТ-ЭКЗАМИНАТОР

Нелегко преподавателям институтов, а студентам и того труднее: конспекты, зачёты, защиты... Какое же заместителю директора педагогического института в городе Сталинске Афанасию Григорьевичу Сергачёву: он и заместитель директора института и студент этого же института. Со стороны может показаться, что трудно быть и солидным наставником педагогов и скромным их послушником в одно и то же время. Но Сергачёв блестяще справляется с этими трудностями.

Читает, окажем, тов. Сергачёв лекцию по основам советского государства и права, и его ничуть не смущает, что студенты шепчутся между собой: «Какое, собственно, он имеет право читать нам лекции, если у него не только диплома, но и аттестата об окончании средней школы нет!» Или сидит, например, тов. Сергачёв в своём кабинете, а к нему приходит педагог и говорит:

— Завтра у нас экзамены по методике истории.

— Велика ли программа, товарищ Утробин? — интересуется Афанасий Григорьевич.

— Нет, не велика... А вас с какой стороны это интересует? Вы спрашиваете это как завуч или как студент?

— В данном случае как студент.

— О, тогда должен огорчить — программа велика! Но ничего, приходите...

Афанасий Григорьевич направляется в аудиторию на экзамен и с важным видом усаживается ря-

дом с преподавателем Утробиним. Экзамен окончен, студенты расходятся.

— Ну, вот и всё, а вы боялись. Дайте вашу зачётную книжку, — улыбается Утробин, — ставлю вам «отлично».

— Не слишком ли? — робко спрашивает Сергачёв.

— Ах, бросьте! Вы, как-никак, завуч. А вам положено знать методику не хуже меня.

...Сергачёв срочно приглашает к себе в кабинет преподавательницу немецкого языка Вербель. Та нерешительно и смущённо входит в кабинет заместителя директора. Зачем её так спешно вызвали? Верно, будут отчитывать или распекают за какие-то недостатки?

— Я вас вызвал, Елена Николаевна, как студент. Если вас не затруднит, примите у меня зачёт за весь курс.

Вербель успокоенно вздохнула.

— Шпрехен зи дейтч?

— Шпрехен, шпрехен! Неужто вы думаете, что я не шпрехен пойдейтч? Вот вам дер стул, ди ручка, дас зачётная книжка. Айн, цвай, драй — ставьте «фир». На «фюнф» не претендую, но на «тройку» не соглашусь.

— Что вы, что вы! «Тройка» в зачётной книжке завуча — это даже неприлично!

— Спасибо, милейшая Елена Николаевна, у меня к вам вопросов больше нет.

...Кто после этого станет утверждать, что трудно быть завучем и студентом одновременно!

А. БУРТЫНСКИЙ

КРАСИЛЬНИКОВУ ЗАХОТЕЛОСЬ РЫБКИ

Приморско-Ахтарскому потребсоюзу предстояло получить в Песбайском леспромхозе комбината «Краснодарлес» 11 вагонов досок.

Вместо долгожданных пиломатериалов из леспромхоза от начальника отдела реализации тов. Красильникова пришло письмо.

«Прошу срочно сообщить, — запрашивал тов. Красильников, — какие вам более нужны пиломатериалы по длине и толщине».

Далее описывались трудности предстоящего получения досок и давался совет «командировать сюда своего представителя», так как «с подачей вагонов в данный момент положение тяжёлое и в первую очередь получают лес те, кто

находится здесь и, так сказать, подталкивает».

Кооператоры не находили слов, чтобы поблагодарить Красильникова, и не понимали, чем, собственно, заслужили они столь подчеркнуто любезность с его стороны.

Но сам Красильников раскрыл секрет своей предупредительности в этом же официальном письме:

«Одновременно прошу, если будете командировать сюда человека, то прислать сахару и рыбки. За присланное оплачу».

Прочли кооператоры послание Красильникова и стали теряться в догадках: действительно ли нужен толкач для отгрузки досок или Красильникову просто рыбки захотелось?

ЗАБОТЛИВЫЕ ШЕФЫ

Строители из конторы «Полиграфстрой» не знают, как поблагодарить своих отзывчивых шефов из Главполиграфиздата.

Шефы расщедрились и прислали строителям большую партию самой разнообразной медицинской литературы.

Каменщики, штукатуры, плотники и маляры с интересом разглядывали номера журналов «Медицинская сестра», «Фельдшер и акушерка», «Гигиена и санитария». Их вниманию предлагались 29-й том «Клинической медицины» и «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», бюллетень экспериментальной биологии и медицины.

Не умаляя важности медицинской науки, строители выразили скромное пожелание:

— Хотя и говорят, что дарёному коню в зубы не смотрят, но мы ожидали книжек несколько иного характера...

Тогда на стройку прибыла новая партия книг, на этот раз сельскохозяйственных. Из присланных книг строители легко могли узнать, как защищать полевые и овощные культуры от вредителей, как бороться с вредной черепашкой. Одно им осталось неясным — как бороться с формализмом в шефской работе Главполиграфиздата.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 23 Крокодила была опубликована страница с критическим материалом в адрес секретариата Союза писателей и «Литературной газеты». В частности, отмечалось, что в Центральном доме литераторов уже год не выходит стенная газета.

Как нам сообщили, создана редколлегия стенной газеты московских писателей и недавно вышел первый номер этой газеты. Будем надеяться, что газета станет действительно боевым органом партийной организации писателей и послужит делу развёртывания большевистской критики и самокритики с тем, чтобы изжить положение, метко охарактеризованное на собрании московских писателей А. Чаковский. Он сказал: «Постоянное признание ошибок без их исправления — это не самокритика, а кокетничанье с самокритикой».

Вывод был настолько правилен, что его не решилась опровергнуть даже «Литературная газета».

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ХАЛТУРЩИКА

Рис. Л. БРОДАТЫ



— Что! Когда будет рецензия! Скоро! Я сейчас переписываю её начисто!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Курская промысловая артель «Спорт» для своих нужд завозит пряжу из других областей.

В то же время соседняя с артелью прядильная фабрика промкомбината вывозит излишки пряжи из Курска. Об этих, с позволения сказать, перевозках я поставил в известность центральный совет промысловой кооперации. Но так как распределением пряжи предприятий местной промышленности занимается Госплан РСФСР, моё письмо переслали туда на рассмотрение.

В Госплане письмо рассмотрели быстро и спустя неделю сообщили, что поставленный мною вопрос заслуживает внимания и направлен в Министерство местной промышленности и Роспромсовет для подготовки практических предложений.

С тех пор прошло пять месяцев, но всё осталось без перемен.

Не сможешь ли ты, дорогой Крокодил, устроить встречу заинтересованных организаций, чтобы наконец обсудить «заслуживающий внимания» вопрос?

М. ГОНТАРЬ,
инженер

г. Курск.

Уважаемый Крокодил!

Я ничего не слышала. Слышать что бы то ни было не позволяла мне моя тугоухость. И вдруг два года тому назад стала я слышать не хуже, чем любой и каждый!..

Произошло это не в силу волшебства и колдовства, а потому, что довелось мне приобрести за 800 рублей слуховой аппарат на московской фабрике этих изделий. Мои сотрудники по работе радовались и дивились вместе со мною: теперь они могли обращаться ко мне с вопросами и за справками не письменно, а устно. Но дивное длилось лишь в течение одного рабочего дня. На другой день чудодейственный аппарат забастовал по причине износа батарейки. Беда, думалось, поправимая: можно же купить за 4 рубля другую батарейку. К сожалению, это лишь думалось, на деле же оказалось, что батарейки нигде не продаются. С большим трудом удалось мне выпросить одну на фабрике аппаратов, но радоваться привелось опять-таки недолго: новая батарейка утратила свою работоспособность так же скоро, как и её предшественница.

И вот опять я ничего не слышу... Впрочем, о моих личных неудачах в борьбе с тугоухостью не стоило бы и говорить, но ведь не я одна, а тысячи инвалидов труда и Отечественной войны нуждаются в слуховых аппаратах. И вряд ли пожелают они покупать дорогие аппараты только для того, чтобы убедиться в невозможности пользоваться ими.

Л. ЕЛИСЕЕВА

г. Москва.

Товарищ Крокодил!

Вот уже больше двух лет мы, работники учебно-производственного предприятия слепых, никак не можем договориться с Люблинским отделом коммунального хозяйства и жилищным управлением.

— Вы участок для строительства просили? — спрашивают нас.
— Просили, — отвечаем мы.
— Вам участок выделен?
— Выделен.
— На что же вы жалуетесь?
— На этот самый участок и жалуемся. Ведь он вдали от станции, на крутом косогоре. Туда не то что слепому, но и зрячему осенью и весной не пройти.

Примерно такой же разговор ведётся и о помещении для наших мастерских.

— Вы, — спрашивают нас работники городского хозяйства, — подвал для переоборудования просили?

— Просили.
— Получили?
— Получили.
— Ну, и переоборудуйте на здоровье!

— Так вы же не даёте! Что ни день, то новые требования. Сколько уж мы вам взамен этого подвала сараев построили, а вы ещё и ещё требуете...

— Ох, и несговорчивый вы, оказывается, народ! — упрекают нас коммунальщики.

Кто-то из нас действительно несговорчив. Рассуди, дорогой Крокодил: кто именно?

Б. БАРИНЦЕВИЧ

г. Люблино,
Московской области.

Дорогой Крокодил!

Ты, верно, помнишь старую сказку братьев Гримм о храбром портняжке. Портняжка хвастал, что одним махом способен сразу убить семерых.

Заместитель заведующего Амурским областным здравотделом тов. Тихонова превзошла портняжку: одним махом она поразила сразу семнадцать человек.

И это было не пустое хвастовство! Одним росчерком пера тов. Тихонова приказом № 369 объявила выговор сразу семнадцати заведующим районными здравотделами.

Если учесть, что в области двадцать три района, легко можно установить, что только считанные районы были обойдены тов. Тихоновой.

Не знаешь ли ты, когда она распространит и на них своё внимание?

ПАЩЕНКОВ,
секретарь горкома ВКП(б)

г. Свободный,
Амурской области.

ОТГАДАЛИ

УГАДАЙ-КА!

(Уголок читательской самодеятельности)



Просим читателей прислать подпись к этому рисунку. Лучшие подписи будут опубликованы.

ТАКОЙ рисунок и подписи к нему были напечатаны в № 24 Крокодила за этот год. Читатели не заставили себя долго ждать и тут же откликнулись на просьбу редакции. Однако не скроем: присланные ответы несколько озадачили нас. Посудите сами.

«Я угадал! — категорически настаивает старший инструктор-бухгалтер сельхозотдела из районного центра Горицы, Калининской области, тов. Быстров. — Рисунок сделан почти с натуры. В квартире, радующей глаз своим видом, живёт не кто иной, как заведующий местным отделом коммунального хозяйства Александр Иванович Егоров».

Мы было почти совсем согласились с тов. Быстровым, но тут пришло письмо от группы читателей из города Ульяновска, и мы снова заколебались. Ульяновцы считают, что лучшей подписью к рисунку должна быть такая:

«— Что ты скажешь по поводу такого ремонта?»

— А что мне говорить? Пусть держат ответ те, кто такое допустил!»

В качестве эпиграфа предлагается такой факт: начальник Ульяновского городского жилищного управления Журавский и начальник ремонтно-строительной конторы того же управления Бочкарев благоустроили свои квартиры за счёт сокращения ремонта других домов.

А вот ещё одно письмо, тоже змутившее нас:

«Совсем нетрудную задачу задал ты, товарищ Крокодил! — сообщают тт. П. Журба, В. Лысковец и И. Иванов. — Когда жители города Борисова, Минской области, посмотрели карикатуру, они единодушно сошлись на том, что на ней изображён шестнадцатиквартирный жилой дом, который строится в Борисове уже больше года для рабочих деревообрабатывающего комбината «Коминтерн». Здание ещё в прошлом году к Октябрьским торжествам должно было вступить в эксплуатацию, но, увы, и к нынешним праздникам оно ещё не готово. Однако это обстоятельство не помешало начальнику строительного управления «Белтракторострой» тов. Свиридову оборудовать в недостроенном доме вполне достроенную квартиру и преспокойно в ней жить».

Остаётся только поздравить Свиридова с новосельем и искренне пожелать, чтобы он поскорей поздравил с тем же десятками граждан города Борисова, ждущих переезда в новый дом».

И этот ответ очень интересен. Как же теперь быть? Какой из них можно считать лучшим? Очевидно, лучшим придётся всё же считать тот ответ, который поскорей поможет увидеть в Горицах, в Ульяновске и в Борисове все дома вот такими:



Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

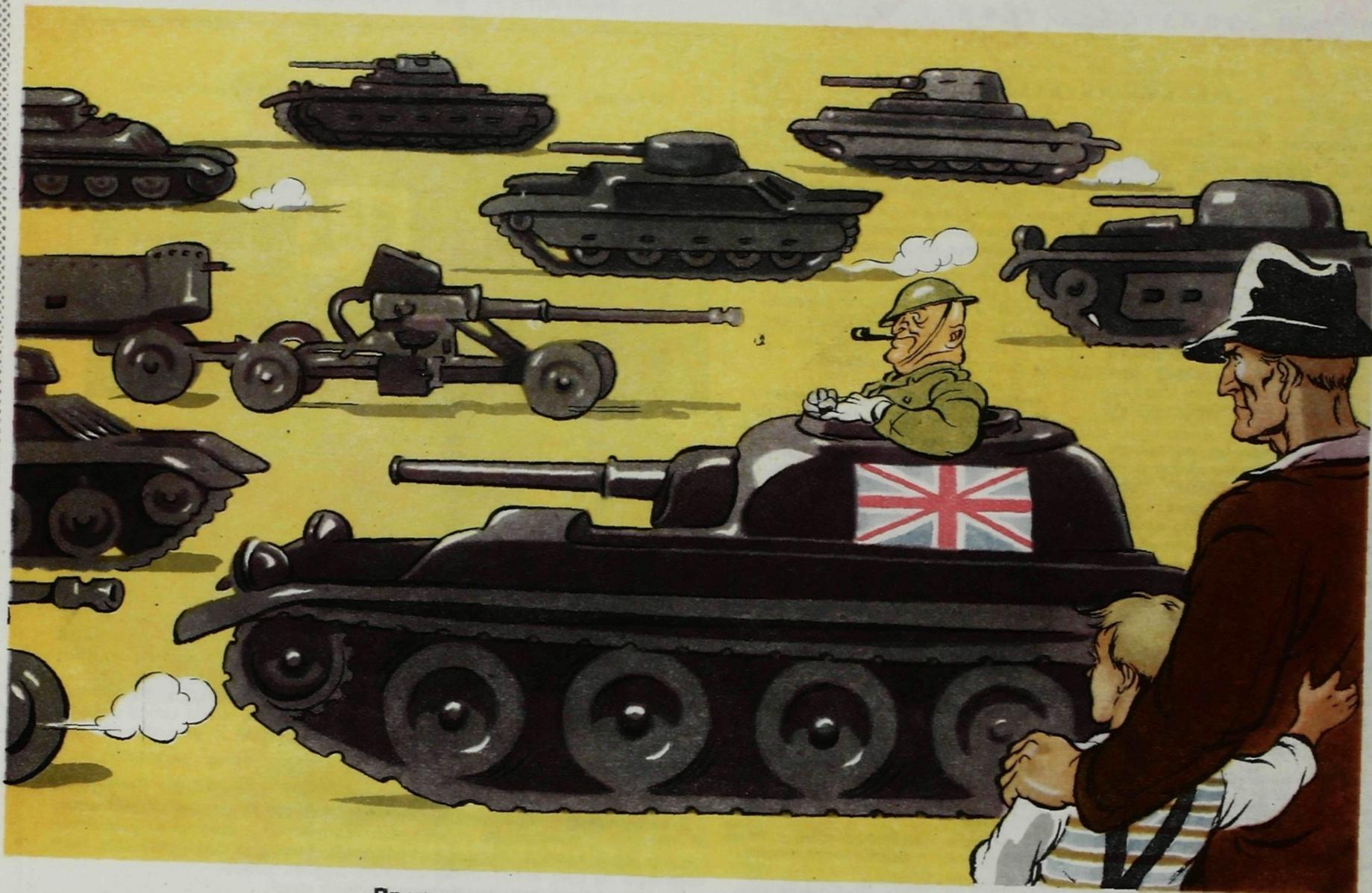
Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50. Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 706. Подписано к печати 1/XI 1951 г. — Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 07461. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2679. Тираж 300 000 экз.

СТАРАЯ ПРОГРАММА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АНГЛИИ:

Рис. В. ФОМИЧЕВА



Продолжать увеличивать выпуск ходовых товаров...



...за счёт уменьшения производства предметов роскоши.